

Глава 30

Аньвэй, обладатель тех самых «орлиных очей», изо всех сил пытался прочесть разговор по губам, но сумел разобрать лишь несколько обрывочных фраз.

Когда Ванфэй подошел к нему с мрачным лицом, Аньвэй поспешно принял официальный вид и опустил взор к земле.

— Где этот снежный волк? — спросил Чу Чжаохуай.

— В келье за задним двором.

Юноша тут же развернулся и зашагал прочь.

Страж замялся. Совсем недавно Чу Чжаоцзян подговаривал Ванфэй убить господина — не стоило ли прежде всего доложить о столь важном деле?

Сделав несколько шагов, Чжаохуай заметил, что за ним никто не следует. Он обернулся и одарил мужчину долгим, выразительным взглядом.

Тот опешил, не понимая, в чем дело.

Чжаохуай не проронил ни слова. Он стоял на месте, понуро опустив плечи, и молча смотрел на него.

Лишь спустя мгновение до Аньвэя дошло: Ванфэй попросту боится волков. Осознав это, он встрепенулся и бросился догонять юношу.

— Позвольте, я укажу дорогу.

Только тогда Чжаохуай продолжил свой путь к заднему двору.

Лю Чу был слишком крупным, чтобы вольно бегать по территории храма Хуго — он мог ненароком сбить кого-нибудь с ног. Поэтому еще до рассвета Чжоу Хуань вывел его в горы, где они вволю набегались, и теперь волк, растянувшись в своей переносной лежалке, привезенной из усадьбы, лениво подергивал хвостом во сне.

Завидев огромного зверя еще издали, Чжаохуай почувствовал, как в глазах темнеет, и непроизвольно качнулся назад.

Спутник подхватил его за плечи, возвращая в вертикальное положение.

— У Ванфэй есть какое-то дело к Лю Чу? — неуверенно спросил он.

Чжаохуай глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь. Поначалу он хотел прощупать кости волчицы, чтобы определить её точный возраст, но вовремя опомнился: он ведь не ветеринар. Даже если он разберет этого зверя на части, вряд ли поймет, сколько ему лет.

«И дело вовсе не в страхе»

Когда первый порыв прошел, Чжаохуай снова отступил на пару шагов. Заячья душа всё-таки взяла верх — лучше было просто спросить.

— Ванье говорил, что подобрал этого волка, — произнес он, находясь от Лю Чу на расстоянии доброй мили и фальшиво восхищаясь его статью. — Какой величественный... Сколько ему лет?

Аньвэй, заметив, что юноша побледнел, ответил:

— Когда господин нашел Лю Чу, он был совсем щенком. Сейчас ему уже одиннадцать.

Чжаохуай коротко кивнул.

— Снежные волки — большая редкость. Где Ванье нашел его?

— Этого я не знаю, — признался страж. — Но Ин-тунлин следует за господином дольше всех, он наверняка в курсе.

Расспрашивать Инь Чжуншаня юноше не хотелось. Тот был верным псом Цзи Сюня: стоит задать ему хоть один вопрос, как он тут же побежит докладывать хозяину.

Этот же охранник казался куда простодушнее.

— А ты не мог бы разузнать это для меня? — Чжаохуай посмотрел на него с мольбой и пылкой надеждой в глазах.

Аньвэй едва не ослеп от этого лучистого взгляда. В ту же секунду он готов был пойти в огонь и в воду ради Ванфэй.

— Слушаюсь! Я немедленно всё выясню!

— Только поосторожнее, не спрашивай в лоб, — поспешно добавил Чжаохуай. — Я буду ждать тебя у Шицзы.

— Будет исполнено!

Чжаохуай вприпрыжку отправился на поиски Цзи И.

Аньвэй со всех ног бросился в покои князя, чтобы представить свежие «Записки о Ванфэй». Цзи Сюнь небрежно перелистнул страницу.

— О чем говорил с ним Бай Хэчжи?

Страж опустил на колено и виновато склонил голову:

— Всё произошло слишком внезапно, я не сумел расслышать. Прошу Ванье наказать меня.

Цзи Сюнь не стал гневаться. Зная характер Бай Хэчжи, можно было не сомневаться: встретившись с племянником с глаза на глаз, он наверняка всучил ему флакон с ядом, велел отравить князя.

В этом не было ничего удивительного. Куда интереснее оказались слова, сказанные при встрече с Чу Чжаоцзяном.

«Ванфэй произнес: "Может, тебе еще завести «Записки о Ванфэй» и докладывать господину о каждом моем вздохе?" Кажется, он крайне недоволен слезкой»

Взгляд Цзи Сюня замер на строчке, выведенной жирной тушью и крупными иероглифами. Он с усмешкой посмотрел на подчиненного.

Аньвэй покрылся холодным потом и замер, не смея поднять головы.

— У Чу Чжаоцзяна не хватает двух пальцев, а он всё еще прыгает от задора, — лениво проронил Цзи Сюнь, откладывая записи. — Зачем он искал встречи с Ванфэй?

— Кажется... он хотел, чтобы Ванфэй залечил вас до смерти, — страж выдохнул с некоторым облегчением. — Прошу прощения, Ванье, я был слишком далеко и не уверен в точности слов.

Цзи Сюнь продолжал рассеянно листать тетрадь.

— И что ответил Ванфэй?

— Он отвесил ему пощечину. Сложилось впечатление, что он был вне себя от ярости, защищая честь Ванъе.

Князь коротко хмыкнул.

«Защищая? — Цзи Сюнь прищурился. — Скорее уж он от радости захлопал в ладоши, используя для этого лицо Чу Чжаоцзяна»

— Ступай.

Аньвэй вздохнул с облегчением и уже собирался подняться, когда Цзи Сюнь небрежно добавил:

— Продолжай вести записи.

Страж лишь мысленно посетовал на упрямство господина.

«Вам ведь только что сказали, что ему это не нравится, а вы всё равно продолжаете?»

Не смея возразить, он поклонился и покинул келью.

Ин-тунлин сидел на ступенях снаружи. Увидев соратника, он лениво кивнул в знак приветствия.

Аньвэй, убедившись, что поблизости никого нет, придвинулся ближе:

— Ин-тунлин, могу я спросить об одном деле... только деликатно?

Тот удивленно посмотрел на него:

— Спрашивай.

— Где Ванъе нашел Лю Чу?

— Тебе-то зачем?

— Да так, к слову пришлось.

— На императорских охотничьих угодьях, — Ин-тунлин ответил, не задумываясь. — На террасе

Пулу. Её забросили несколько лет назад.

— Благодарю.

Страж поклонился и поспешил обратно — не следить за Ванфэй, нет, а продолжать «вести записи».

Чу Чжаохуай всё утро искал Цзи И и наконец обнаружил его в крытой галерее бокового придела.

Юноши сидели на каменных скамьях и мирно беседовали, лакомясь жареными каштанами. Заметив Чжаохуая, Шицзы тут же поманил его к себе.

Стоило Чжаохуаю подойти, как его нос уловил знакомый аромат лекарств, исходивший от одежды Цзи И. Точно такой же запах он чувствовал от Чу Чжаоцзяна.

Он вскинул бровь.

— Ты видел Чу Чжаоцзяна?

Цзи И разразился таким хохотом, что едва не свалился со скамьи — благо Лян Фан успел его подхватить.

— Как ты узнал? — отсмеявшись, спросил он. — Мы с Лян Фаном ходили за каштанами, и этот дурень преградил нам путь. Ну, я и всыпал ему как следует!

Чжаохуай присел рядом. Лян Фан очистил несколько плодов и протянул ему.

За всё время лечения Лян Фан оставался тихим и сдержанным — даже когда яд начал отступать, он не выказывал бурной радости. Однако в его поведении появилось некое естественное тепло: при виде Чжаохуая его глаза светлели, и он тут же принимался ухаживать за гостем.

Чжаохуай принял горячее лакомство. Глядя на сияющего Цзи И, он с любопытством спросил:

— И за что же ты его побил?

Шицзы не успел ответить — Лян Фан, подавшись вперед, вклинился в разговор:

— Он сказал, что хочет отомстить за тебя...

— А-а-а! — Цзи И издал нечленораздельный вопль, перекрывая слова друга. — У этого парня с головой не в порядке, он ведет себя просто отвратительно! Мне он всегда был не по нраву, вот и приложил его при случае. Что, жалеешь его?

— Вовсе нет, — Чжаохуай сразу раскусил его притворство. — Ты ведь у нас особа благородная. Я просто боюсь, как бы ты руку не ушиб — тогда мне и впрямь станет тебя жалко.

Это была простая шутка, но наследник вдруг замер. Лицо его в мгновение ока залилось краской, и он забормотал, запинаясь:

— Ты... ты...

Чжаохуай искренне не понимал:

— Что — я? Что — я?

Цзи И вскочил как ошпаренный, его лицо пылало от смущения.

— Тебе совсем не стыдно говорить такие вещи?!

Чу Чжаохуай: «...»

«А?»

Шицзы оказался пугающе наивным: обычная шутка заставила его потерять голову от стыда. Не в силах дольше находиться рядом с человеком, позволяющим себе столь «бесстыдные речи», он поспешно сбежал.

Чжаохуай остался в полном недоумении.

Лян Фан, давно привыкший к подобному, лишь улыбнулся. Стоило в каком-нибудь книжном сказе героям просто взяться за руки, как Цзи И вскакивал, осыпая их проклятиями, и вылетал вон.

— Я сказал что-то не то? — растерянно спросил Чжаохуай.

— Вовсе нет, — успокоил его Лян Фан. — Не обращайтесь внимания, Шэнью. Скоро он остынет.

Чжаохуай тут же забыл о странностях наследника и с аппетитом принялся за угощение. Лян Фан, заметив, как тому нравится обращение «Шэньи», вставлял его в каждое второе предложение, чем окончательно привел юношу в превосходное расположение духа.

Лян Фан склонил голову набок, наблюдая за довольным Чжаохуаем, и вдруг ни с того ни с сего спросил:

— Шэньи, вы не хотите покинуть усадьбу князя?

Чжаохуай замер и медленно перевел на него взгляд.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Мне кажется... — Лян Фан заколебался. — Кажется, вы не очень счастливы.

Это не было обычной грустью. Скорее, это было чувство человека, который не может получить желаемое и вынужден искать крохи радости в мелочах. Он ликовал при каждой малости, боясь окончательно утонуть в беспросветной мгле своего положения.

Чжаохуай молча съел каштан.

На самом деле, жизнь в усадьбе Цзин-вана или в доме Бай ничем не отличалась — разве только в Линьане у него была надежда. Стоило поднакопить немного денег, и он смог бы покинуть тот захолустный дворик и обрести собственный дом.

Чтобы больше никогда не зависеть от чужой милости.

Сжимая в ладонях горячие каштаны, Чжаохуай быстро приободрился.

«В столице хотя бы такие вкусные плоды есть, уже не зря приехал»

В этот момент вернулся аньвэй.

Он действовал четко и быстро. Подойдя, он поклонился и кратко доложил:

— Ванфэй, я всё выяснил. Это терраса Пулу.

Чжаохуай резко вскинул голову.

Время, место — всё сходилось. В точности так, как он и предполагал.

В душе его воцарилось странное смятение. Спустя столько лет он наконец нашел своего спасителя, но им оказался Цзи Сюнь. Это было похоже на то, как если бы в изысканном блюде попался камешек, о который болезненно ударишься зубами.

— Ванфэй? — окликнул его Лян Фан.

Юноша покачал головой и со сложным выражением лица поднялся со скамьи:

— Я, пожалуй, пойду.

Лян Фан, опираясь на колонну, тоже встал. Он был достаточно умен, чтобы не задавать лишних вопросов, и лишь мягко произнес:

— Дороги после снега скользкие, будьте осторожны. Слова Бо Шу остаются в силе — вы можете прийти к нам в любое время.

Чжаохуай кивнул и молча ушел. Ему нужно было хорошенько обдумать, что делать дальше.

Двери в покои были распахнуты. За ширмой, в небольшой молельне, Цзи Сюнь играл в шахматы с седовласым настоятелем.

Старик, облаченный в кашаю, с добродушной улыбкой сделал ход — его манера игры была мягкой и плавной.

Цзи Сюнь лениво щелкнул пальцами по черному камню. Тот несколько раз крутанулся в воздухе и точно опустился на доску, перекрывая белым все пути к спасению.

Настоятель проигрывал всё утро, но нрав его оставался безмятежным. Со смешком он принялся убирать фигуры:

— Ваше Высочество мастерски владеет игрой. Старый монах признает свое поражение.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— Вам следовало признать это еще после первой партии. Но раз вы заговорили об этом только после десятого поражения, сдаётся мне, вы не слишком-то и раскаиваетесь.

Настоятель: «...»

— Неужто Ваше Высочество возвращается в столицу уже сегодня? — смиренно спросил он.

Цзи Сюнь подпер подбородок ладонью:

— Здесь, в этой обители, тихо и спокойно, спится на удивление сладко. Думаю остаться еще на декаду-другую.

Настоятель: «...»

Острый язык князя едва не довел монаха до греха. Старик взглянул на него и, потеряв интерес к шахматам, мягко произнес:

— Раз уж Ваше Высочество почтил нас своим присутствием, не желаете ли вы склониться перед святыми ликами?

Цзи Сюнь рассеянно перебирал камни на доске:

— Зачем мне просить о чем-то эти каменные истуканы?

Настоятель не обиделся:

— Искренность творит чудеса. Положение Вашего Высочества в столице сейчас незавидное. Из башни Вансянь доносят, что Его Величество стал принимать тяжелые снадобья и днем и ночью.

Рука князя, сжимавшая камень, на миг замерла. Эти снадобья были полны опасных компонентов; император Яньпин и так был истощен изнутри, а теперь и вовсе изнурял себя без меры.

Дни его были сочтены.

И если императору осталось недолго, он наверняка постарается до своей кончины убрать Цзи Сюня — это главное препятствие на пути наследного принца. Ему всё равно припишут какое-нибудь преступление.

Цзи Сюнь медленно улыбнулся:

— Похоже, настоятель хочет, чтобы я молил богов о скорейшей кончине Его Величества.

Настоятель: «...»

С этим человеком было совершенно невозможно вести беседу.

Старик подал знак, и маленький послушник принес из бокового придела футляр с гадальными палочками.

— Если не желаете молиться, не угодно ли вытянуть жребий и спросить о грядущем?

Князь вскинул брови:

— Неужто моё будущее уместится на тонкой деревяшке?

Настоятель тяжело вздохнул:

— Господин...

Он только собирался продолжить уговоры, как у входа раздался голос Инь Чжуншаня:

— Ванфэй вернулся.

— Угу, — донеслось в ответ.

Шаги приближались к келье. Цзи Сюнь небрежно бросил камни в чашу и поднял взгляд. Зная характер Чжаохуая, он ожидал, что тот будет медлить до полуночи. Почему же он пришел так рано?

— Ваше Высочество, жребий... — напомнил настоятель.

Цзи Сюнь, не глядя, протянул руку и наугад выхватил из футляра одну палочку. Старик замер. Столько лет князь и близко не подходил к гаданию — что же заставило его перемениться сегодня?

В комнату вошел Чу Чжаохуай, прижимая к себе какой-то сверток. Прежде он бы пулей пролетел мимо, чтобы забиться в свой угол, но сейчас он нерешительно замер у входа, робко поглядывая на мужа.

Князь отвел взгляд и посмотрел на доставшийся ему жребий. Вторая палочка.

«Скрытый свет воссияет в урочный час, терпенье — щит, пока не придет срок; в схватке дракона и тигра судьба предрешена, весенний ветер подует — и вздрогнет мир»

Цзи Сюнь хмыкнул и равнодушно бросил палочку обратно.

Настоятель, видя возвращение Ванфэй, почел за лучшее удалиться. Забрав футляр, он отвесил поклон и медленно вышел.

«Видно, Будда милостив — всё-таки наставил господина на путь истинный. Раз уж он начал спрашивать судьбу, глядишь, и от славы "Бога Несчастий" вскоре избавится»

Цзи Сюнь опустил взгляд и продолжим раскладывать шахматы. Черные и белые камни со звоном сталкивались друг с другом.

Чу Чжаохуай сделал несколько нерешительных шагов к нему:

— Ванье...

Князь не поднимал головы:

— М-м? Что это ты так рано вернулся?

Он хотел было по обыкновению съязвить, но в последний миг передумал и произнес нечто вполне человеческое.

Чжаохуай неловко протянул ему объемистый, туго набитый сверток:

— Это... для Ванье.

Цзи Сюнь наконец посмотрел на него.

— Что это?

«Яд? Такой большой пакет... неужто решил действовать в открытую?»

Утром Чжаохуай еще размышлял о том, как бы окончательно отгородиться от Цзи Сюня, но внезапное известие о спасителе выбило его из колеи. Он не знал, как теперь себя вести. От смущения кончики его ушей стали пунцовыми.

— Тебе нужно или нет?! — выпалил он.

Цзи Сюнь вскинул бровь и, не желая больше дразнить юношу, протянул руку. Ему и впрямь стало любопытно, что это за «подарок».

Ш-ш-ш!

Промасленная бумага была завернута не слишком плотно. Стоило князю перехватить сверток, как содержимое с хлопанием и плеском вывалилось наружу, обрушившись прямо на него вместе с изрядной порцией ледяной воды.

Цзи Сюнь: «...»

Чу Чжаохуай: «...»

Всё — от открытой груди до колен князя — мгновенно промокло. Холодные жареные каштаны вперемешку с ледяной крошкой рассыпались по его черным одеждам, ярко сверкая на темной ткани.

Чжаохуай похолодел. Заметив, как потемнел взгляд мужа, он лишился дара речи от ужаса и уже готов был дать стрекача.

Но ледяная и сильная рука Цзи Сюня молниеносно перехватила его ладонь, одним рывком возвращая на место.

Чжаохуай, не удержавшись, плюхнулся прямо на бедро князя. Его спина прижалась к пышущей жаром груди — в такой позе он оказался в ловушке. Ноги его не доставали до пола, и он лишь беспомощно дрыгал ими в воздухе.

В суматохе они опрокинули шахматную доску. Камни с оглушительным грохотом рассыпались по полу.

— Ванъе, пощадите! — бессвязно забормотал Чжаохуай, теряя голову от страха. — Помилуйте! Я не специально...

Цзи Сюнь крепко обхватил его за талию, удерживая на месте. Голос его звучал бесстрастно:

— Куда это ты собрался? Никто тебя не съест. Что это такое?

— Каштаны... — пролепетал юноша.

Князю еще никогда не приходилось оказываться в столь нелепом положении — казалось, он весь пропитался запахом жженого сахара и плодов.

— Насколько мне известно, — холодно произнес он, — в храме Хуго каштаны жарят на огне, а не морозят во льду.

Чжаохуай, до смерти напуганный минуту назад, вдруг почувствовал обиду от его язвительного тона. Он перестал вырываться и понуро пробормотал:

— Но ведь тебе нельзя ничего горячего...

Он долго стоял в очереди за этим свертком, потратил целый лян серебра. Видя, что лакомство обжигает руки, он специально сходил за льдом. А потом еще полчаса бродил по улице, набираясь храбрости. Кто же знал, что бумага так быстро размокнет от воды?

А этот еще и издевается.

«Какой же желчный человек. Так и хотелось запихать ему в рот эти каштаны, пока они были горячими, чтобы все десны волдырями пошли»

Голос Чжаохуая был тихим; его ворчание звучало не как гнев, а как робкая жалоба.

Рука Цзи Сюня дрогнула. В сердце князя словно что-то шевельнулось. Кадык его судорожно дернулся, он уже собирался что-то ответить, когда Инь Чжуншань, услышав шум, вышиб дверь и ворвался внутрь:

— Защитить Ванъе! Э-э...

Следом за ним, не успев скрыться, с неба посыпались аньвэйи. С оружием наперевес, они замерли, полные воинственного пыла.

Цзи Сюнь: «...»

Чу Чжаохуай: «...»

<http://bllate.org/book/15341/1411166>